

А. В. Богочанова
Государственный художественный музей Алтайского края (Барнаул, Россия)
bogochanoff@mail.ru

ОПЫТ ИНТЕРПРЕТАЦИИ ЭТНОГРАФИЧЕСКОГО НАСЛЕДИЯ В СОВЕТСКОЙ РОССИИ В 1920-е ГГ.

Аннотация. Рассмотрены некоторые тенденции развития советской этнографической науки в 1920-е гг., согласующиеся с принятием молодым советским государством нового политического курса в области «национального вопроса», получившего в отечественной историографии название «*коренизации*». Авторские заключения опираются на анализ содержания основополагающих трудов учёных Академии наук Советского Союза – современников событий, а также материалы отчётов этнографических исследований, инициированных специальными комиссиями, оперативно созданными при крупнейших государственных этнографических музеях в первой четверти XX в. По мнению автора, возросшая исследовательская активность научных сил страны в предметном поле этнографической науки – ответ на правительственный заказ на подготовку концептуальной базы для выполнения идеологических задач в области т. н. «национального строительства»; приводятся примеры организации полевых этнографических исследований коренных народностей Горного Алтая (алтайцев, бачатских телеутов и др.).

Ключевые слова: *этнография, русская этнографическая школа, полевые этнографические исследования, народы Советской России, народности Горного Алтая (Ойротской автономной области), алтайцы, бачатские телеуты, коренизация, культура и быт коренных народов, музейные коллекции.*

С начала XVIII века в изучении этнографии народов России можно выделить ряд последовательно сменяющих друг друга этапов, связанных с теми или иными процессами и явлениями развития государственного устройства, каждому из которых были присущи свои проблемы и закономерности. В зависимости от тех или иных задач в области государственного и национального строительства формировались институты и научные школы; в свою очередь, под них выстраивалась конкретная исследовательская работа, в частности, формировалась методология накопления эмпирического материала, его теоретического осмысления, интерпретации и пропаганды; разрабатывались пути и методы практического применения результатов.

В этой преемственной смене исследовательских парадигм 1920-е годы стали периодом, в который этнография приобрела особое значение для осуществления глобальных государственных мегапроектов, от которых самым непосредственным образом зависело выживание страны, таких, как преодоление послевоенной разрухи, восстановление экономики и подготовка ее к последующему модернизационному рывку. Решение этих задач требовало мер сугубо экономического характера, среди которых на первые места выходили поиск местных источников природного сырья и развитие инфраструктуры отдельных территорий.

Условием решения всего этого комплекса проблем являлось сбережение народонаселения как главного стратегического ресурса модернизации, его сплочение и мобилизация. В России – стране с многонациональным составом населения, с множеством религий и культур, на первый план выходило создание унифицирующей, объединяющей идеологии как основы для формирования некоей надэтнической общности, которая вобрала бы в себя все ее этнокультурное и этноконфессиональное разнообразие. Создание такой общности, которая впоследствии получила наименование «советский народ», должно было занять длительный период времени, в котором 1920-е годы стали подготовительным этапом.

Характерными особенностями этого периода национального строительства стали: во-первых, создание соответствующей властной структуры – Наркомата по делам национальностей (далее –

Наркомнац), формирование научных учреждений, таких, как Российская Академия истории материальной культуры (далее – РАИМК – ГАИМК), Комиссия РАН по изучению племенного состава населения России (далее – КИПС), вузовские кафедры этнографии, этнографические музеи и др.; во-вторых, поощрение развития краеведческого движения как формы общественной активности населения в изучении местного края. Активно работали научные общества; к исследованиям привлекались крупнейшие ученые дореволюционной школы; формировалась система подготовки этнографических кадров в вузах страны.

Расширялась не только научно-исследовательская база этнографии, но и сфера непосредственной практической деятельности: профессиональные кадры – этнографы, фольклористы, антропологи, археологи, включались в состав правительственных организаций, таких, как Комиссия по изучению племенного состава населения СССР и сопредельных стран, Комитет народов Севера, Центральное этнографическое бюро при Наркомнаце, секция «Человек» Госплана СССР и др., на которые были возложены задачи экономического, политического, культурного развития национальных окраин. В контекст этнографической работы включалось проведение переписи населения, национальное районирование. В процессе национально-культурного строительства определялся статус национальных языков, создавалась письменность для тех народов, которые ее еще не имели, строились национальные школы. Можно отметить при этом начало процесса идеологизации музея как культурного института, деятельность которого также была перенацелена на решение стоявших перед государством задач.

В исследовательских подходах данного периода преобладало пристальное изучение каждого народа, его неповторимого культурного своеобразия. Вместе с тем, уже на этом этапе выявлялись те существенные черты, которые позволили бы делать определенного рода обобщения для выработки универсальных подходов к реформированию национальных культур, в целях привнесения в них элементов модернизации и унификации. Так, например, необходимо было создать единые, понятные всем народам, культуру, систему образования, формы быта, наполненные привычными для них этническими смыслами, которые послужили бы в качестве переходной модели, наднациональной культурной надстройки, органично сосуществующей с этнической культурой, являясь, в то же время, проводником общегосударственной идеологии. Поэтому объектом изучения этнографии становились ключевые элементы традиционной культуры, позволяющие адаптировать ее к стоящим перед государством задачам.

Важнейшей особенностью, общей для большинства этих народов, находившихся на доиндустриальной стадии развития, являлась система жизнеобеспечения с преобладанием присваивающего и начатками производящего хозяйства, основанного на тесном взаимодействии с кормящим ландшафтом. Этому способствовали глубокая укорененность этносов в своих природных геосистемах и прямая зависимость от их ресурсов всего производственного цикла. Как известно, ландшафт обуславливает не только хозяйственно-культурный тип, но и комплекс материальной и духовной культуры в целом.

Для этнической общности данного уровня характерны разделение на клановые группы, сохранение определенных систем родства и принципов кристаллизации родовой верхушки. Отсутствие рабочего класса способствовало консервации архаичных способов экономической деятельности, а также традиционных ценностей и представлений об окружающем мире.

Необходимо было учитывать это понимание в процессе создания территориально-национальных автономий, и считаться с подобными представлениями при формировании новой советской национальной бюрократии из представителей этнических образований; большое значение придавалось вводу в делопроизводство национальных языков. В этих целях в 1920-х гг. повсеместно в национальных районах проводилась политика коренизации [1].

В ходе национального строительства в 1922 г. была создана Ойротская Автономная область, вобравшая в себя территорию Горного Алтая – региона, весьма сложного не только в этнополитическом, но и природно-климатическом и экономическом отношениях. Необходимо было развернуть здесь разносторонние этнографические исследования по изучению культуры локальных этнографических групп, в особенности их хозяйственной деятельности, адаптированной к местным природным условиям.

При ближайшем рассмотрении направленности полевых этнографических исследований на Алтае, проводимых в 1920-х гг. и инициированных ГАИМК, КИПС, Кунсткамерой – Музеем антропологии и этнографии (далее – МАЭ) АН СССР, Этнографическим отделом Русского музея (будущего Государственного музея этнографии), можно видеть весь спектр этнографической проблематики, характерный и для дореволюционной этнографической науки.

Прежде всего, можно отметить комплексный характер этих экспедиций, в том числе, по составу участников. Практика совместных экспедиций сотрудников центральных научно-исследовательских организаций с местными краеведами была весьма распространена. Так, например, в экспедиции 1930 г., инициированной Обществом изучения Сибири и её производительных сил, вместе с ленинградскими этнографами А. Г. Данилиным и Л. Э. Каруновской, приняли участие местные специалисты – сотрудники Ойротского краеведческого музея А. И. Новиков, Н. Арбузова, а также художник Г. И. Чорос-Гуркин, композитор А. В. Анохин, студентка А. И. Терентьева.

Отправляясь на Алтай, исследователи часто получали задание сразу от нескольких научных организаций, чтобы собрать материалы для решения целого спектра научно-практических задач. Так, например, этнографическая экспедиция 1929 г. А. Г. Данилина и Л. Э. Каруновской была организована МАЭ совместно с КИПС; вместе с тем, часть заданий была получена исследователями от Этнографического отделения Русского Географического общества.

Комплексный характер носила и наиболее значительная научная акция, осуществленная в этот период на территории Горного Алтая, каковой явилась экспедиция С. И. Руденко, проведенная летом 1924 г. под эгидой Этнографического отдела (далее – ЭО) Русского музея совместно с КИПС, членом которой он являлся. Крупнейшей эта экспедиция стала и по территориальному охвату, и по научной проблематике. В ходе ее, по заданию КИПС, был изучен антропологический тип и племенной состав коренного населения Горного Алтая, с выявлением границ расселения и численности отдельных народностей. Наконец, в связи с малоизученностью территории Восточного Алтая в географическом отношении, руководитель экспедиции С. И. Руденко поставил дополнительную задачу географического изучения территории – «географическое освещение Восточного Алтая», в том числе в геоморфологическом отношении, и обследования природно-климатических условий, в которых здесь живет население.

При этом основное внимание было направлено на исследование быта коренных народов: типов жилища, хозяйства, материального комплекса, а также систем родства, семейных обычаев и обрядов, религиозных верований [2, с. 61–75]. Основная научная проблема состояла в выявлении монгольских и тюркских («турецких») элементов в культуре местных народностей. Кроме того, было проведено первоначальное – «рекогносцировочное» изучение алтайских древностей – стоянок и погребений неолита и бронзового века [2, с. 75–77]. Несмотря на то, что экспедиция С. И. Руденко носила разведочный характер, тематика ее исследований и полученные результаты характеризуются подлинной научной глубиной и фундаментальностью, притом, что они имели самое непосредственное практическое значение.

Одним из ведущих направлений этнографических исследований в рассматриваемый период оставалось изучение материальной культуры населения Горного Алтая, которому сопутствовали обширные вещевые сборы. Так, например, экспедицией С. И. Руденко для ЭО Русского музея была собрана коллекция из 640 этнографических предметов [2, с. 78]. Наиболее крупные сборы были сделаны сотрудниками МАЭ; в частности, Л. Э. Каруновской, совместно с А. Г. Данилиным – 1120 предметов [3]. А. В. Анохин и И. А. Новиков передали в Кунсткамеру ценное собрание, состоявшее из 614 бытовых и культовых предметов алтайцев [4]. При этом каждая экспедиция делала большое количество фотографий и зарисовок.

Одним из наиболее активных исследователей населения Горного Алтая во второй половине 1920-х – 1930-х гг. являлся А. Г. Данилин. Круг исследований, проводимых им на Алтае по поручениям КИПС в ходе Ойротской комплексной экспедиции 1927–1929 гг., включал в себя все аспекты материальной культуры алтайцев и бачатских телеутов: жилище, одежду, способы передвижения, пищу, генеалогию расселения родов и мн. др. [5, с. 6]. Вместе с тем, ведущим направлением для него становится бурханизм, понимаемый им в рамках идеологизированных подходов, присущих этнографической науке того времени, – как «национально-освободительное движение алтайцев» [5, с. 19].

Книга А. Г. Данилина «Бурханизм. Из истории национально-освободительного движения в Ойротии» вышла только в 1932 г., но материалы к ней собирались автором в ходе экспедиций, начиная с 1927 г.; направленность исследования явно отражает главные тенденции и запросы науки этого периода. С целью обосновать классовую сущность истоков бурханизма А. Г. Данилин провел тщательное изучение не только собственно культа как такового, но и «подготовивших» его появление аспектов. Среди них основное внимание уделяется социальному составу алтайского общества: отмечается засилье в нем «князьков (зайсанов)», «баев, феодалов и кулаков», эксплуатировавших «трудящиеся массы алтайцев» – простых «охотников и скотоводов». Коренные предпосылки возникновения бурханизма исследователь видит в колонизаторской политике царизма, состоявшей в «русификации, хищничестве и грабеже».

Одним из проявлений этой политики, по его мнению, являлась русская колонизация Горного Алтая, которая несла «трудящимся Алтая ... нищету и разорение» [5, с. 39]. (На это можно возразить, что правительство, напротив, долгое время всеми силами пыталось сдержать эту колонизацию, в которой в действительности, при всех издержках, было немало и положительного, в том числе для хозяйства и быта коренного населения). Протестом против «царского колонизаторского гнета» стало национально-освободительное движение, принявшее идеологическую форму «белой веры» – бурханизма.

Подчиненность книги А. Г. Данилина заданной идеологической конструкции особенно рельефно контрастирует с монографией А. В. Анохина, посвященной еще одной религиозной системе алтайцев – шаманизму, вышедшей в IV томе Сборника МАЭ: «Материалы по шаманству у алтайцев» [6]. Книга вышла в 1924 г., но была закончена и представлена на рассмотрение историко-филологического отделения РАН еще в январе 1913 г., и поступила в набор в 1914 г.; работа по ее изданию была возобновлена только в 1923 г.

В этом классическом этнографическом труде автор подробнейшим образом и в строгой системе описал атрибуты шаманского ритуала – детали одежды, бубны и колотушки, а также импровизации шаманских призывов на алтайском языке с русскими переводами, составил родословные алтайских шаманов. Большое внимание А. В. Анохин уделил представлениям алтайцев о духах и душах, раскрыв психологические основы их веры в шаманов и их способность привлекать духов к себе на помощь, что и составляет существо шаманского культа.

Можно отметить, что верования коренных народов были темой, весьма актуальной в контексте проводимых государственных преобразований, поскольку в ней наиболее полно были отражены такие мировоззренческие аспекты, как космогоническая и этногоническая мифология, этническая психология, морально-этические нормы, представления об окружающем мире и основах взаимодействия с ним человека. Поэтому шаманизм тюркских народов Сибири, начало научного изучения которого было связано еще с деятельностью В. В. Радлова, оказался востребован этнографической наукой послереволюционного периода. Необходимо отметить, что максимально полная информация об этих верованиях была необходима для борьбы с ними и должна была помочь делу их окончательного искоренения.

Вместе с тем, в Горном Алтае, помимо коренных тюркских народов, проживало значительное количество русских, прежде всего старообрядцев, весьма недружелюбно настроенных по отношению к советской власти, по причине широко декларируемого ею в ходе Гражданской войны атеизма. С другой стороны, старообрядчество успешно адаптировалось в этих непростых природно-климатических условиях в хозяйственном и морально-психологическом отношениях, вступило в экономические, культурные и даже семейно-родственные отношения с аборигенным населением – казахами и алтайцами. Здесь сложились две большие этнокультурные группы, имевшие общее происхождение: бухтарминские каменщики и уймонцы. С коренными народами русских жителей Горного Алтая, помимо среды обитания, сближал общий сословный статус: несмотря на принадлежность к великорусскому этносу, в гражданском отношении они относились к группе ясажных «инородцев». В силу указанных обстоятельств эти две религиозно-культурные общности в 1920-е гг., наряду с аборигенами, стали объектом этнографического изучения.

Летом 1927 г. в Бухтарминском уезде Семипалатинской губернии работала экспедиция, инициированная С. И. Руденко, по обследованию быта бухтарминских каменщиков, в составе сотрудников

ЭО Русского музея. В книге, вышедшей по результатам этих исследований, говорится, что данная группа представляет интерес, во-первых, по причине наличия в ней «реликтовых форм» культуры; во-вторых, из-за ее почти двухвековых взаимоотношений с казаками, «которые несомненно должны были наложить тот или иной отпечаток на культурно-бытовой облик каждой из встретившихся в этих горах народностей» [7, с. 1, 5].

Преимущественное внимание авторов – Е. Э. Бломквист и Н. П. Гринковой, сосредоточено на хозяйственном быте и материальном комплексе каменщиков, причем эти темы представляли для них интерес именно в силу адаптации этого великорусского населения «на дальней окраине государства в чуждых для русского горных условиях» [7, с. 49]. При этом речь идет об адаптации столь успешной, что каменщики, несмотря на сложные природные условия и примитивность большинства своих хозяйственных технологий, являлись одной из наиболее зажиточных локальных групп населения сибирского юго-запада.

Основой хозяйства каменщиков являлись архаичные формы земледелия и животноводства. Особое место уделено наблюдениям исследователей над процессами вовлечения в земледельческие занятия коренного населения, привлекаемого в качестве наемной рабочей силы. Со своей стороны, кочевники Горного Алтая имели большой опыт в выпасе скота и переработке продуктов животноводства; неудивительно, что каменщики во многом передоверяли им эти формы деятельности.

В поле зрения исследователей также попадает близкая бухтарминским каменщикам группа уймонских старообрядцев. Ценные этнографические наблюдения, зарисовки, фото, вещевые сборы среди старообрядцев Уймонской долины были сделаны сотрудницей Новосибирского краеведческого музея (в 1926 г. получившего название Музея производительных сил Сибирского края) Н. Н. Нагорской [8]. Свои исследования она проводила в 1926 и 1927 гг. Помимо Уймонской долины, Н. Н. Нагорской были обследованы группы старообрядцев, проживавших на территории современного Усть-Канского, Чарышского, Солонешенского районов.

Итак, можно видеть, что в 1920-х гг. население Горного Алтая являлось одним из приоритетных направлений этнографического изучения, в том числе, для структур Академии наук СССР и крупнейших этнографических музеев страны. Тематика этих исследований, достаточно широкая в этот период, с одной стороны, еще работала во многом в традициях дореволюционной этнографической науки, мобилизуя кадры и наработки русской классической этнографической школы. С другой стороны, уже во второй половине 1920-х гг. в этих исследованиях начинает отчетливо проступать партийно-идеологическая направленность, свидетельствующая об их определенной ангажированности, стремлении направить этнографическую науку на решение стоящих перед государством задач национального строительства. Данная тенденция, уже не столько в форме полевых исследований, сколько в сфере теоретических интерпретаций, значительно усилилась в последующие десятилетия.

Список литературы

1. Чистяков, О. И. Коренизация государственного аппарата национальных районов в первые годы советской власти (по материалам национальных районов Среднего Поволжья) // Правоведение. – 1965. – № 1. – С. 164–168.
2. Руденко, С. И. Алтайская экспедиция // Этнографические экспедиции 1924 и 1925 гг. : [отчёты]. – Ленинград : Б. и. [Гос. тип. им. Ивана Фёдорова], 1926. – С. 61–78.
3. Музей антропологии и этнографии им. Петра Великого (Кунсткамера) Российской академии наук. Коллекционные описи.
4. Институт антропологии и этнографии Академии наук СССР. Инвентарный список коллекций. Отдел Сибири.
5. Данилин, А. Г. Бурханизм (из истории национально-освободительного движения в Горном Алтае) / под ред. В. П. Дьяконовой. – Горно-Алтайск : Ак-Чечек, 1993. – 204 с.
6. Анохин, А. В. Материалы по шаманству у алтайцев, собранные во время путешествия по Алтаю в 1910–1912 гг. по поручению Русского комитета для изучения Средней и Восточной Азии (представлено в заседании Историко-филологического отд. Акад. наук 16 янв. 1913 г.) / А. В. Анохин ; авт. предисл. С. Е. Малов. – [Ленинград : Рос. акад. наук], 1924. – VIII, 248, IV с. : ил. – (Сборник музея антропологии и этнографии при Российской академии наук ; Т. 4, 2).

7. Бухтарминские старообрядцы : [сб. ст.] / ред. С. И. Руденко. – Москва : Изд-во Акад. наук СССР, 1930. – 460 с. – (Академия наук Союза Советских Социалистических Республик : Материалы комиссии экспедиционных исследований ; Вып. 17 : Серия Казахская).

8. Гришанова, Т. В. Этнографические материалы Н. Н. Нагорской в коллекциях Новосибирского государственного краеведческого музея : каталог / Т. В. Гришанова, С. О. Куимова, Т. И. Лисиенко [и др.] ; редкол. : И. В. Орлова [и др.]. – Новосибирск : Новосибирский гос. краеведческий музей, 2008. – 120 с.

Albina V. Bogochanova

State Art Museum of Altai Krai (Barnaul, Russia)

bogochanoff@mail.ru

EFFORT OF EXPLANATION OF SOVIET RUSSIA'S ETHNOGRAPHIC HERITAGE OF THE 1920S

Abstract. The paper considers some tendencies appeared in Soviet ethnographic science in 1920s after acceptance by young Soviet state a new political line in inter-ethnic relation issues named “*localization policy*” or “*indigenisation*” in Russian historiography. The author's conclusions are based on analysis of the Academy of Sciences of the Soviet Union's scholars' subject-matter key writings and reports of major ethnographic fieldworks started by special expert committees opened in major Soviet ethnographic museums at the first quarter of the 20th century. On the author's opinion, increased research activities of Soviet scientific forces in the object field of ethnographic science is an answer to a governmental order for elaboration of theoretical base for meeting ideological goals in so called “ethnic building” area; the article gives a number of examples of ethnographic fieldworks with indigenous people (Altaians, Bachat Teleuts) from Altai Mountains (former Oirot autonomous region, now the Altai Republic).

Keywords: *ethnography, Russian Ethnographic School, field ethnographic research, peoples of Soviet Russia, ethnic groups of Altai Mountains territory (Oirot autonomous region), Altaians, Bachat Teleuts, Soviet localization policy (indigenisation), culture and way of life of indigenous people, museum collections.*

УДК 910.4Шерр“1898”:37(571.1/5)(=512.1)

DOI: 10.32340/2414-9101-2020-4-33-38

С. И. Бондаренко кандидат исторических наук, доцент
Алтайский государственный аграрный университет (Барнаул, Россия)
bonsvet@bk.ru

ХОЗЯЙСТВЕННЫЕ И КУЛЬТУРНЫЕ ТРАДИЦИИ КУМАНДИНЦЕВ ПРЕДГОРНОГО АЛТАЯ В ТРУДАХ Н. Б. ШЕРРА

Аннотация. Охарактеризованы некоторые аспекты хозяйственных и культурных традиций одного из коренных малочисленных народов России, относящегося к группе северных алтайцев в составе тюркской этноязыковой общности – кумандинцев. На основе этнографических записок рубежа отечественного политссылного, исследователя-энтузиаста Н. Б. Шерра (1867 – ? гг.) автор статьи описывает базовые элементы культуры жизнеобеспечения кумандинцев XIX–XX вв. – жильё, пищу, одежду, характеризует ряд особенностей земледельческого труда, собирательства, скотоводства, ловчих промыслов, охоты, выделяет ряд особенностей культуры хозяйствования кумандинцев: доминирование промысловых видов деятельности (ореховый, белковый), слабое развитие сельскохозяйственной деятельности (земледелие, огородничество). По наблюдениям Н. Б. Шерра, большое влияние на развитие видов промысла и традиций хозяйствования кумандинцев оказали русские переселенцы.

Ключевые слова: *кумандинцы, этнография кумандинцев, северные алтайцы, Алтай, традиции, культура, Н. Б. Шерр, хозяйственная культура, промыслы, торговля, пища, огородничество, верования.*